



ПАМЯТИ ВЕЛИКИХ УЧЕНЫХ

Своими воспоминаниями о Сергее Сергеевиче Алексееве и Михаиле Григорьевиче Розенберге мы попросили поделиться их учеников, друзей и коллег.



**Владимир Борисович
ИСАКОВ**

заведующий кафедрой теории права и сравнительного правоведения НИУ ВШЭ, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор

Как английская шерсть и армянский коньяк

Когда студенты спрашивают меня, кто такие шестидесятники и как они выглядели, я рассказываю им о конкретном человеке — Сергее Сергеевиче Алексееве.

С.С. Алексеев был ярким представителем того поколения советской молодежи, которое окончило десятилетку, прошло войну, получило высшее образование в послевоенные годы и обеспечило мощный научно-технический прорыв, что на рубеже 1950–1960 гг. вывел нашу страну в ряд великих держав. Он прожил насыщенную жизнь, наполненную напряженной научной, общественной и политической деятельностью, общением с друзьями и студенческой молодежью, спортом. Он всегда был свободным человеком, который имел мужество не приспосабливаться к переменчивым обстоятельствам, а думать и поступать так, как считал нужным.

В качестве студента я слушал лекции С.С. Алексеева по теории государства и права. Его манера чтения меня поразила: ничего подобного я не слышал ни до, ни после. Сергей Сергеевич входил в учебную аудиторию, зал (в те времена нас там было порядка 400–500 человек) приветствовал его вставанием. Заняв кафедру, С.С. Алексеев доставал из кармана конспект лекции — 3–4 листка мелованной бумаги в половину писчей страницы — и делал длинную-предлинную паузу, в течение которой зал постепенно затихал. Алексеев никогда не пытался перекричать аудиторию или каким-либо способом одернуть студентов. Напротив, он начинал лекцию тихим задумчивым голосом, как бы разговаривал сам с собой, так что приходилось прислушиваться.

Лекции он читал ровно, с легкими смысловыми акцентами на ключевых местах и большими паузами, которые, как я вскоре понял, были окнами для нашей работы — понимания и осмысления сказанного, мысленного диалога с лектором и сжатого конспектирования.

В любой студенческой аудитории — преподаватели прекрасно это знают — всегда найдется несколько человек, которым неинтересно, которые пришли отдохнуть и пообщаться. Они мешают лектору, мешают другим, угомонить их практически невозможно: дело нередко доходит до громкого скандала и удаления бездельников из аудитории. На лекциях С.С. Алексеева таких студентов всегда одергивали соседи: «Не мешай!»

В лекциях Сергея Сергеевича каждая фраза была выверена, продумана, нагружена глубоким смыслом, а каждая пауза предназначалась для ответного движения мысли. Лекции завораживали и увлекали. Неизгладимое впечатление от его курса осталось у меня на всю жизнь, что, собственно, и предопределило мои дальнейшие шаги в юридической профессии. Фирменный стиль чтения лекций С.С. Алексеева я пытался воспроизвести неоднократно, но так и не смог повторить. Как я сейчас понимаю, он возник из неповторимого сочетания природного дара и творческого характера Сергея Сергеевича и был таким же уникальным явлением, как, например, английская шерсть или армянский коньяк, как голос Хворостовского или живопись Ильи Глазунова.

Здесь не место и не время обсуждать научное наследие Сергея Сергеевича: оно насчитывает десятки книг, сотни статей по различным вопросам права, которые, я уверен, найдут своего летописца. В этих кратких заметках я хотел бы затронуть всего лишь один вопрос — ту замечательную атмосферу требовательности и в то же время свободы научного поиска, которую создал на своей кафедре С.С. Алексеев.

Вокруг него никогда не было никаких интриг, борьбы амбиций или тем более крохоборства. Да, была борьба мнений. Но это была чисто научная борьба, борьба умов и научных позиций, в которой каждый уважающий себя ученый обязан доказать свою правоту. Признания в науке С.С. Алексеев добился сам, и на это же ориентировал нас, своих учеников. Странно слышать и читать сегодня о научной всеядности, нетребовательности, протекционизме, заказных диссертациях, разного рода официальных и неофициальных поборах с соискателей и прочих «прелестях» рыночного подхода в науке — такого на кафедре Сергея Сергеевича не было никогда, подобные явления воспринимались бы нами как позор.

Как руководитель кафедры С.С. Алексеев сформулировал принцип трех третей, которого неукоснительно придерживался на практике. Суть этого принципа в следующем: для того чтобы научный коллектив стабильно работал и развивался, в нем должны быть представлены примерно в равном количестве все три поколения ученых: старшее (доктора, профессора), среднее (кандидаты наук, доценты) и младшее (ассистенты, неостепененные преподаватели, аспиранты). Мудрость этого принципа я вполне оценил сегодня, когда сам возглавил кафедру. На этот научно-педагогический коллектив ежедневно из-



ливается поток разнообразных поручений: больших и малых, престижных и не очень, долгосрочных и краткосрочных, важных и пустяковых. Профессорскую работу нельзя поручить доценту, а доцентскую — ассистенту или аспиранту, и наоборот. Реальная жизнь вуза подбрасывает с избытком работу для каждого из трех поколений.

С.С. Алексеев первым в Свердловском юридическом институте создал постоянно действующий научный семинар, который стал основой и стержнем его научной школы. Хотя семинар был для старшекурсников и аспирантов, меня приняли в него уже на первом курсе, и я горжусь, что, начиная со второго курса, стал старостой этого научного кружка. На семинаре обсуждались сообщения аспирантов, новинки литературы, текущие события научной и общественно-политической жизни. На этих заседаниях раскрылась еще одна удивительная грань таланта Сергея Сергеевича: он мог уловить что-то очень важное в любом, даже проходном на первый взгляд событии или научном положении. В его руках оно просто расцветало. Слушатели (и я в том числе) недоумевали: как же мы могли пройти мимо такого замечательного события или идеи, не заметив и не оценив их глубокого содержания? В последующем я неоднократно убеждался, что существуют люди, от прикосновения которых события, идеи или даже целые научные направления и государственные институты гаснут, обесмысливаются, теряют свое содержание. И существуют люди с противоположным знаком — те, которые словно по мановению волшебной палочки наделяют явления смыслом. С.С. Алексеев в полной мере обладал таким удивительным даром.

Придя на прощание с С.С. Алексеевым в Смольном соборе Санкт-Петербурга, я долго рассматривал в витрине его солдатскую пилотку, боевые награды, знаки воинской доблести. Увидел все это впервые. В обычной гражданской жизни Сергей Сергеевич, участник Великой Отечественной войны, не хватал боевыми наградами, он вообще их ни разу не надевал. Не припомню, чтобы он вспоминал когда-нибудь свои военные годы. Видимо, вопреки тому, что показывают в современных лубочных кинофильмах, ничем хорошим эти годы ему не запомнились.

Будучи вполне состоявшимся ученым и замечательным лектором, С.С. Алексеев умел оставаться простым человеком. В течение многих лет водил студентов в турпоходы. Любил спорт, песни у костра, много их знал и сам неплохо пел. На поминках его друзья-туристы спели под гитару несколько любимых песен Сергея Сергеевича. Думаю, что он это одобрил бы.

Ради объективности добавлю, что не во всем мы были с С.С. Алексеевым единомышленниками. Он негативно отнесся к моему выдвижению в политику, полагая, что мое подлинное призвание — наука. Но именно благодаря тому, что его ученики (в том числе Сергей Запольский, Александр Турбанов) оказались в политике, его наиболее крупный и общественно значимый проект — Гражданский кодекс (я считаю этот проект куда более значимым, чем проект Конституции) — с минимальными потерями прошел через Комитет по законодательству, который я тогда возглавлял, и через Государственную Думу первого созыва.

По своим политическим взглядам С.С. Алексеев в последние два десятилетия жизни сблизился с либеральной интеллигенцией, а я от нее, напротив, отдался. Но это не мешало и не мешает мне понимать Сергея Сергеевича как ученого, гражданина, человека и высоко ценить его вклад в теорию и практику российского права и государства.

После разгона парламента в 1993 г. и начала чеченской трагедии С.С. Алексеев неоднократно высказывал свое несогласие с решениями и методами действий тогдашнего руководства страны. Несмотря на высокий статус и привлекательные предложения, он вышел из Президентского совета, сдал служебную квартиру в Москве и вернулся на должность профессора в Екатеринбург. Путь в российской политике оказался значительно более извилистым, ухабистым и тернистым, чем это представлялось ему вначале.

Мои краткие заметки, написанные всего несколько дней спустя после прощания с С.С. Алексеевым, ни в коей мере не заменяют исчерпывающего анализа жизни и творчества этого замечательного человека. Такая работа, я надеюсь, впереди. Но вряд ли она поколеблет или как-то изменит конечный вывод, который можно сделать уже сегодня: из жизни ушел крупный ученый, замечательный педагог, яркая, интересная личность, сын своей страны, отдававший все свои силы ради ее блага и процветания.

Лично я считаю огромным счастьем и большой жизненной удачей, что начал свой путь в науке под руководством этого выдающегося ученого и цельного человека. В моей жизни он был и остается идеалом целеустремленности, творческого научного подвига и большой человеческой мудрости.



**Вадим Витальевич
ЧУБАРОВ,**

вице-президент ТПП РФ, доктор
юридических наук

— Первым человеком, чьи лекции я слушал в Свердловском юридическом институте, был Сергей Сергеевич Алексеев. Впечатления у всех студентов были потрясающие: хотелось учиться, учиться напряженно, чтобы попробовать достичь хотя бы подножий тех вершин, которые покорил Сергей Сергеевич. Несмотря на то, что в Институте, а затем и в Уральской юридической академии трудилось значительное число выдающихся профессоров, научную славу моей *alma mater* до сих пор связывают и, думаю, будут еще долгое время связывать с именем Сергея Сергеевича. На мой взгляд, справедливо. Во-первых, это был человек, по эффективности сопоставимый с целым научно-исследовательским институтом. Он трудился постоянно: на даче, в купе поезда, в перерывах между лекциями. Если учесть, что из-под пера сразу же выходила продукция высшего качества, которую практически не нужно было редактировать, то КПД его работы был крайне высок. Во-вторых, его работы с самого начала были востребованы и высоко оценены. Помню поздравления Сергея Сергеевича с присвоением ему Государственной премии СССР, которые были оглашены в начале обычной студенческой лекции в римской аудитории, где присутствовал наш факультет в 250 человек. В-третьих, он был участником ВОВ и, как все ветераны, жил и работал неистово — за себя и за того парня, очень часто не жалея себя.



Влияние научного наследия Сергея Сергеевича на современную правовую систему очень велико. Его идея возрастания частноправовых начал в современном российском обществе (в особенности возрастания роли и места норм гражданского права) нашла воплощение в виде действующего ГК РФ и Исследовательского центра частного права при Президенте РФ. Концепция первостепенного значения прав и свобод личности в современном обществе частично отражена в действующей Конституции РФ (напомню, отец Сергея Сергеевича был незаконно репрессирован, поэтому материю прав человека ученый чувствовал очень тонко). Идею неприкосновенности права собственности, которой Сергей Сергеевич посвятил самостоятельную книгу, нам еще предстоит пропустить через себя, как и много иных идей, высказанных в его последних работах юридино-философского толка.

Мне довелось работать под руководством Сергея Сергеевича в Институте философии и права Уральского отделения АН СССР и быть его доверенным лицом в ходе выборов в народные депутаты от Академии наук СССР. Это был стойкий и бескомпромиссный борец за то, что называется торжеством права. В то же время он был добрым и внимательным человеком.

С Михаилом Григорьевичем Розенбергом мы встречались несколько раз до моего перехода на работу в ТПП РФ. Я, конечно же, знал, что он автор знаменитых работ «Заключение договора международной купли-продажи товаров» (М., 1991), «Международная купля-продажа товаров» (М., 1995) и «Контракт международной купли-продажи. Современная практика заключения. Разрешение споров» (М., 1996, 1998). Я также знал, что Михаил Григорьевич был участником рабочей группы по разработке ГК РФ и сыграл значительную роль в том, чтобы институт купли-продажи в Кодексе во многом отвечал идеям Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров (Вена, 1980). После начала работы в ТПП РФ мне открылась еще одна ипостась Михаила Григорьевича, а наше общение с ним стало постоянным. Он был не просто автором ежегодных комментариев практики МКАС. Обладая непрекаемым авторитетом среди арбитров и членов Президиума МКАС, он выступал в роли своеобразной надзорной инстанции внутри суда, которая в его лице обеспечивала единство выносимых МКАС решений по делам из международной купли-продажи.

Столь же бескомпромиссным он был в отстаивании правовых позиций, выработанных МКАС, вне его стен. Будучи членом НКС при ВАС РФ, я неоднократно был свидетелем того, как Михаил Григорьевич, образно говоря, укладывал на лопатки некоторых представителей государственной судебной системы, которые не вполне были знакомы с практикой международного коммерческого арбитража, но настаивали на включении неверных выводов в готовящийся Обзор судебной практики по делам третейских судов. Отмечу, что эти выводы в Обзор, окончательно принятый Президиумом ВАС РФ в 2005 г., так и не были включены.

Я считаю, влияние идей Михаила Григорьевича на современную правовую систему колоссально. Во многом благодаря ему мы все реже вспоминаем институт поставки, шлифуя через судебную практику идеи международной

купли-продажи, воплощенные в главе 30 ГК. Мне кажется, что спор о том, какова природа процентов за незаконное пользование чужими денежными средствами, со временем продолжится (Михаил Григорьевич, основываясь на международной практике, не считал эти проценты мерой ответственности). Продолжается и начатая Михаилом Григорьевичем дискуссия о возможности применения норм Венской конвенции в том случае, когда стороны в контракте в качестве применимого права используют фразу «российское законодательство». Своеобразным ответом на известную фразу Михаила Григорьевича «у нас в каждом деле ссылаются на нарушение публичного порядка» стала разработка и принятие Президиумом ВАС РФ 26 февраля 2013 г. Информационного письма № 156 об оговорке о публичном порядке, которое, надеюсь, внесет должную строгость в применение государственными арбитражными судами данной нормы.

Михаил Григорьевич был очень душевным человеком, интеллигентом и настоящим патриотом своей страны.

За два дня до смерти он позвонил мне и поздравил с Днем Победы. Мы говорили о написанных им статье и комментариях практики МКАС и делились планами на будущее...



Олег Николаевич САДИКОВ

главный научный сотрудник отдела гражданского законодательства и процесса ИЗИСП при Правительстве РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ

— Я имел удовольствие знать М.Г. Розенберга и поддерживал с ним дружеские и научные контакты на протяжении многих десятилетий, начиная со студенческих времен, когда мы оба постигали основы права на юридическом факультете Института внешней торговли в Москве (выпуски 1948 и 1949 гг.). Это были счастливые послевоенные времена, и тогда Миша Розенберг выделялся в студенческой среде, демонстрируя быстрое понимание правовой материи и обыгрывая сокурсников в шахматы.

С дипломом юриста внешней торговли он был направлен в одно из объединений тогдашнего Минвнешторга СССР, где проработал около 20 лет. В составе советских делегаций участвовал в подготовке многих крупных международно-правовых соглашений, регламентирующих условия внешнеэкономических сделок. Особо заметной была его работа по совершенствованию Общих условий поставки товаров между организациями стран — членов СЭВ, которые были одним из первых актов международно-правовой унификации в сфере внешней торговли. По этой тематике он подготовил ряд крупных научно-практических публикаций.

После защиты кандидатской диссертации он перешел на работу в Академию внешней торговли, где трудился до последних дней своей жизни как лектор, руководитель дипломных работ и член ученого совета академии, а также автор многочисленных учебных пособий. В те годы я также был преподавателем академии и имел счастливую возможность наблюдать и использовать стиль работы М.Г. Розенберга и ее результаты.

Наряду с преподавательской деятельностью он активно включился в работу Внешнеторговой арбитражной комиссии (ныне Международного коммер-



ческого арбитражного суда) при Торгово-промышленной палате как арбитр, член Президиума и основной комментатор решений этого судебного органа. Его статьи с научной оценкой внесенных арбитражных решений и годовые сборники решений МКАС с предметными указателями показывают лицо МКАС и являются ценным пособием для практикующих юристов и преподавателей права.

Предмет основных научных и научно-практических публикаций М.Г. Розенберга, как и его практическая деятельность, — договор международной купли-продажи, который всегда был и остается важнейшим правовым инструментом при осуществлении внешнеторговых операций. Главный его труд, результат многолетней работы — книга «Контракт международной купли-продажи. Современная практика заключения. Разрешение споров» выдержал пять изданий. Это уникальное явление для отечественных юридических публикаций и свидетельствует о значении этого сочинения.

Получили известность и практическое применение также публикации М.Г. Розенберга по общим вопросам гражданского права: о договорных отношениях, процентах по денежным обязательствам, исковой давности. Его разделы в Комментариях к Гражданскому кодексу РФ, также выдержавшему несколько изданий, относятся к числу наиболее полных и удачных, и я как редактор Комментария рекомендовал его научный стиль другим соавторам. Ряд его законодательных предложений и рекомендаций получил отражение в тексте ныне действующего Гражданского кодекса РФ, части первой, к подготовке которого он привлекался.

Для научного стиля М.Г. Розенберга характерны внимательное использование имеющихся нормативных, правоприменительных и литературных источников и формулирование на этой основе обстоятельной правовой аргументации с конкретными выводами и рекомендациями. В его сочинениях нет общих мест и словесных красот, ныне пользующихся популярностью у некоторых молодых юристов, но есть четкость и ясность юридического изложения. Таким же он был на своих семинарах по актуальным вопросам современного внешнеторгового права, которые всегда собирали полные аудитории.

В научных и преподавательских кругах М.Г. Розенберг был требовательным и к себе, и к своим коллегам, которых любил при случае покритиковать, если они ошибались в своих правовых оценках или недостаточно ясно излагали свои мысли в юридических бумагах. В отстаивании собственных правовых воззрений он был весьма настойчив и упорен, что надо считать проявлением качеств профессионального и опытного юриста, каковым он и был. Все это не мешало ему поддерживать добрые отношения с сотрудниками коллективов, в которых он трудился, ибо он избегал крайностей и всегда старался быть справедливым.

За многолетнюю и успешную трудовую деятельность М.Г. Розенберг отмечен рядом правительственных и ведомственных наград и помимо научных степеней удостоен звания заслуженного юриста РСФСР. В юридических научных и практических кругах, в том числе в странах СНГ, его авторитет был очень

высок. Его смерть — большая потеря для юриспруденции России, ибо специалистов такого уровня немного. Но остаются коллеги и ученики М.Г. Розенберга и его многочисленные труды, которым обеспечена долгая жизнь в истории российской юриспруденции.



Георгий Михайлович ВЕЛЬЯМИНОВ

главный научный
сотрудник сектора правовых
проблем международных
экономических отношений ИГП
РАН, доктор юридических наук,
профессор

— С Михаилом Григорьевичем Розенбергом судьба свела меня впервые в далеком военном 1944 г., когда будучи демобилизованным из армии, я поступил на первый курс юридического факультета московского Института внешней торговли, которого, увы, уже давно не существует. Миша учился там же на курс старше, а поэтому, как принято, я смотрел на него, старшекурсника, как бы снизу вверх и с должным пиететом. Я отношусь к нему с тем же пиететом и сейчас, когда его уже не стало. Разумеется, уже не по причине старшинства, а в силу его высокой профессиональной эрудиции и авторитета, приобретенных им за весь его долгий и славный трудовой путь.

Не могу, упомянув нашу достославную и любимую *alma mater*, не воздать ей должное. Уверен, что и Мише, и мне, и всем другим нашим однокашникам необычайно повезло — ни в каком ином тогдашнем советском учебном заведении не удалось бы нам получить столь великолепное юридическое образование с цивилистическим уклоном и, не побоюсь сказать, европейского уровня. Не случайно из выпускников института 1948 и 1949 гг., т.е. наборов еще военного времени, словно в качестве дани Великой победе выросли такие выдающиеся правоведы, как Марк Богуславский, Владимир Лаптев, Михаил Розенберг, Олег Садиков, Владимир Туманов и многие другие доктора наук и высококвалифицированные юристы-практики. Рад, что и мне довелось работать бок о бок с такими людьми.

Став профессором, преподавателем и автором многих научных трудов, Михаил Григорьевич никогда не превращался в ученого кабинетного типа. До того как стать ученым, он прошел долгий и плодотворный путь юриста-практика, немалый срок прослужив юрисконсультom в одном из советских внешнеторговых предприятий, одновременно работая докладчиком, а затем и арбитром еще в прежней Внешнеторговой арбитражной комиссии, ныне преобразованной в Международный коммерческий арбитражный суд при ТПП РФ. В Арбитраже Михаил Григорьевич заслуженно стал своего рода коллективной совестью. По его регулярным многолетним аналитическим исследованиям казусов — решений МКАС все мы, арбитры, сверяли свою работу. Уход М.Г. Розенберга из жизни оставляет зияющую лауну в этой сфере. Трудно себе и представить, кто бы мог заменить его в этом качестве.

Все мы, выпускники Института внешней торговли, естественно, оставались в большинстве своем задействованными профессионально в сфере внешнеэкономических связей, и, соответственно, пути наши часто пересекались. Многократно на этой стезе сводила и меня жизнь с Мишей Розенбергом. Это, в частности, касалось и нашего сотрудничества в 1970-е гг. в рамках Совета экономической взаимопомощи, в секретариате которого я тогда служил, в



том числе и в работах по совершенствованию Общих условий поставок между странами — членами СЭВ, на основе которых тогда, по сути, велась вся внешняя торговля между этими странами. М.Г. Розенберг был фактически одним из активнейших соавторов этих Общих условий. Конечно же, сотрудничали мы постоянно и во МКАС.

Профессор М.Г. Розенберг был уникальным человеком и ученым. Его отличала истинная научная одержимость в самом лучшем смысле этого слова. Он был кристально честным, настоящим, без страха и упрека рыцарем правосудия и науки, отдавая себя ей всего целиком. Будучи уже тяжело больным, находясь в реанимационном отделении, он продолжал трудиться над своими незавершенными научными работами. За две-три недели до своей кончины, находясь на постельном режиме, он звонил мне, делился своим справедливым возмущением по поводу случайной публикации некой статьи в арбитражном сборнике.

Михаила Григорьевича отличали исключительно дружелюбная простота в обращении и неизменная — по первому зову — готовность помочь каждому советом, поделиться своим огромным профессиональным опытом. При этом не он чурался при необходимости обратиться за советом к коллеге.

Со смертью профессора М.Г. Розенберга осиротели не только его близкие, друзья и коллеги, но и все наше юридическое сообщество.



**Тамара Евгеньевна
АБОВА**

главный научный сотрудник сектора гражданского права, гражданского и арбитражного процесса ИГП РАН, доктор юридических наук, профессор

— О Михаиле Григорьевиче Розенберге можно говорить часами. Когда бы вы ему ни позвонили и ни спросили его о чем-либо, он с неизменным интересом выслушивал, а потом, не жалея времени, отвечал на ваш вопрос. И все чрезвычайно внимательно его слушали и впитывали все, что он говорил. При этом неважно, кто спрашивал: маститый ученый или стажер МКАС, — для каждого у него находилось время. Счастливы те студенты, которым он читал лекции, и аспиранты, которыми он руководил.

Думаю, его коллеги и близкие друзья уже много о нем сказали до меня. Но и я, в свою очередь, не могу не подчеркнуть, что он великий ученый с богатым опытом практика, блестящий профессионал, арбитр, судья, каких единицы, великолепный лектор, бесконечно преданный избранной им науке человек, автор сотен научных книг, статей, комментариев, соавтор многих национальных и международных правовых актов.

Когда читаешь его труды, слышишь его голос, потому что в каждой книге отчетливо видна его привязанность к теме, желание непременно донести до читателя собственную позицию, взгляд, да и просто необходимую каждому в работе информацию.

Я сознательно не называю его работы, скажу только, что среди всего написанного, по-моему, королева — это Венская конвенция о договорах международной купли-продажи товаров.

Его комментарии практики МКАС бесценны. Я знаю, что даже в самые последние дни он работал, работал и работал. Что-то, надеюсь, будет издано позже.

Когда я вспоминаю Михаила Григорьевича, перед моими глазами стоит высокий, статный, целеустремленный, необычайно скромный, несмотря на широчайшую известность, звания и награды, Человек. Я всегда говорю и буду, пока жива, говорить: великий ученый, классик, учитель не умирает, он живет в своих трудах и учениках и будет жить даже тогда, когда уйдут лично знавшие его люди.

Вечная память ему и мои глубочайшие соболезнования семье Михаила Григорьевича и всем, кто его знал.



**Александр Сергеевич
КОМАРОВ**

профессор кафедры
международного частного права,
заведующий кафедрой частного
права Всероссийской академии
внешней торговли, доктор
юридических наук

— Для меня уход Михаила Григорьевича — это большая утрата, потому что я его знал более сорока лет.

Мы познакомились, когда я еще был студентом. Я готовил дипломную работу, связанную с договорами международной купли-продажи товаров, и узнал о том, что он принимал активное участие в подготовке Венской конвенции. Набравшись смелости, я попросил о встрече, чтобы проконсультироваться. Честно говоря, я не ожидал, что он согласится, но он мне дал телефон, мы встретились и очень плодотворно побеседовали. Он сразу произвел на меня впечатление именно как ученый. Я бы так сказал: я увидел настоящего юриста.

К тому времени Михаил Григорьевич уже имел за плечами лет двадцать работы во внешнеторговом объединении «Союзхимэкспорт». Начал юристом, стал начальником юридического отдела и был одним из сильнейших руководителей юротделов всесоюзных внешнеторговых объединений, а это была система, где работали высококвалифицированные люди. Они были богаты практикой, у них была великолепная школа — Институт внешней торговли. Там готовили к работе с иностранным правом. Михаил Григорьевич и ряд его коллег, с которыми я позднее работал в министерстве и во всесоюзных внешнеторговых объединениях, учились у тех, кто изучал юриспруденцию в Сорбонне, в немецких университетах.

Вы, наверное, помните, что в те времена внешняя торговля осуществлялась на основе государственной монополии и сделки, которые заключались всесоюзными внешнеторговыми объединениями, имели очень большое значение, потому что работали на всю страну. Очень крупные сделки и ответственность очень большая. Поэтому юристы, которые занимались внешнеэкономической деятельностью, были отдельной профессиональной кастой.

Михаил Григорьевич с отличием окончил Институт внешней торговли и был воплощением юриста-практика, обычно не склонного к отвлеченным рассуждениям. Но он показал себя и в работе по подготовке международных документов, регламентировавших отношения по поставке товаров между социалистическими странами: Розенберг — один из авторов очень важного в то время документа «Общие условия поставок СЭВ».



Будучи практиком, он умел глубоко анализировать и успешно решать сложные правовые проблемы внешнеторгового регулирования, поэтому его пригласили на преподавательскую работу во Всесоюзную академию внешней торговли, которая была в то время кузницей руководящих кадров во внешней торговле. Он туда перешел не сразу, работал на полставки, готовясь к защите кандидатской диссертации, но и после защиты, полностью перейдя на работу в академию, Михаил Григорьевич продолжал очень тесно сотрудничать с министерством. Никогда в общем-то не уходил от практики.

В начале 1970-х гг. Михаил Григорьевич стал арбитром внешнеторговой арбитражной комиссии при Всесоюзной торговой палате. Сейчас она называется Международный коммерческий арбитражный суд при Торгово-промышленной палате РФ (МКАС).

Он постоянно был членом советских делегаций в переговорах по разработке различного рода международных документов и одним из участников работы над Конвенцией ООН об исковой давности международной купли-продажи — Нью-Йоркской конвенции 1974 г. Потом он принимал участие в дипломатической конференции в Вене в 1980-м, где была принята Венская конвенция о договорах международной купли-продажи товаров. Михаил Григорьевич не только у нас в Советском Союзе считался ведущим специалистом, но и в странах — участницах СЭВ был непререкаемым авторитетом по вопросам правового регулирования международной купли-продажи. Когда и я начал работать в рамках таких международных рабочих групп, я видел, как к нему относятся иностранные коллеги, как веско его слово, когда ведутся какие-то переговоры, когда нужно найти формулу, устраивающую всех.

И после распада Советского Союза, уже в новых условиях, он продолжал быть ведущим специалистом в нашей стране в области договоров международной купли-продажи товаров. В это время начался очень плодотворный период, когда Михаил Григорьевич стал много писать о практике МКАС.

Как член президиума МКАС, он отвечал за освещение его практики. На протяжении почти двадцати лет благодаря его усилиям регулярно — либо один, либо два раза в год — выходили сборники практики МКАС. Они были весьма востребованы юристами-практиками, потому что там содержались ответы на многие вопросы, связанные с международным частным правом, которых не найти ни в действующем в российском праве, ни в практике государственных арбитражных судов, где не так часто оказываются дела с иностранным элементом. В этом плане Михаил Григорьевич сделал очень много для просвещения наших юристов. Сами понимаете, наше юридическое образование, учебные программы, да и вообще сама российская правовая действительность далеки от тех правовых проблем, которые возникают в процессе осуществления внешнеэкономической деятельности. Михаил Григорьевич, по-моему, не успел закончить последний сборник, но я надеюсь, что мы это сделаем.

Любой вопрос, за исследование которого он брался, он изучал настолько тщательно, настолько досконально... Ни одной проблемы, которая может возникнуть в контексте изучаемого им предмета, он не оставлял незатрону-

той. *Leave no stone unturned* — каждый камешек он перевертывал и смотрел. И все это было основано на текущей практике. Он очень редко брал на себя исследование проблем, носящих глобальный характер, общетеоретических, хотя, естественно, делал и выводы общего характера.

Его главная заслуга, конечно, в глубокой разработке той сферы отечественной юриспруденции, которая связана с внешнеэкономической деятельностью и которая раньше очень мало исследовалась. Своими работами он заложил фундамент для дальнейшей разработки проблематики.

Я уже говорил, как важна была работа юриста при заключении международных договоров купли-продажи и какова была цена ошибки. Но при этом юристов нужной квалификации было очень мало, а был даже период, когда юристов-международников вообще не готовили. Во времена Хрущева считали, что право, в общем-то, у нас отмирает. Министерство внутренних дел было упразднено, Министерство юстиции тоже. Юридический факультет Института внешней торговли был ликвидирован. В вузах международное право, особенно частное, изучалось чисто формально — а зачем оно нужно? И сразу же мы получили результат: как раз в этот период, в начале 1960-х, во внешнеэкономических контрактах были допущены серьезные ошибки. Зачастую они были составлены юридически неграмотно. И тогда, как это часто у нас бывало, появилось постановление ЦК КПСС и Совета Министров о необходимости подготовки юристов с внешнеэкономической специализацией. И началось с того, что в 1966 г. образовали одну маленькую группу в МГИМО. Михаил Григорьевич был практически единственным, кто в тот период так глубоко рассматривал эту проблематику. Этот его вклад в отечественную юриспруденцию, конечно, неоценим.

С ним вместе я участвовал в работе по подготовке нашего Гражданского кодекса. Мы были специалистами в гражданском праве, но не в его советском воплощении, ничего общего не имевшем с частным правом. Поскольку мы занимались внешней торговлей, мы знали, как гражданское право работает именно в частноправовых отношениях. Мы делали Кодекс для новых условий, но нам иногда очень трудно было убедить наших коллег, воспитанных на советском гражданском праве, что если речь идет о новых отношениях, то должны быть и новые подходы. Некоторые боялись так вот вдруг от жесткого публично-правового регулирования перейти к признанию принципа свободы договора, свободы предпринимательской деятельности. И здесь Михаил Григорьевич своим авторитетом, конечно, помогал. Но наши коллеги не всегда с нами соглашались. Время показало, что не во всем, но по некоторым позициям мы оказались правы.

Михаил Григорьевич очень много сделал для того, чтобы наш Кодекс приблизить к требованиям новой экономической ситуации.

Вот, в частности, статья о толковании договора была практически им сформулирована. До него вообще проблемой толкования договоров, как и собственно толкованием хозяйственных договоров, почти никто не занимался, эта тема была невостребованной. Какой смысл толковать договор, когда он фактически воспроизводит один к одному положения нормативного акта? Толкование договора практически сводилось к толкованию закона.



Это был очень порядочный человек. Я бы сказал, интеллигент старой школы. Очень был начитанным, любил художественную литературу. В отношениях с людьми Михаил Григорьевич всегда был очень ровным, никогда не позволял себе повысить голос. С ним было легко сотрудничать.

Но как преподаватель Розенберг был всегда принципиальным и требовательным. Он на протяжении многих лет читал курс по правовому регулированию договора международной купли-продажи, программа которого была им разработана. Давал студентам в основном письменные задания и проверял их потом очень тщательно. Я знаю, что у него с первого раза сдавали не все: он добивался досконального знания изучаемых вопросов, которые он ставил... Он был требовательным человеком. Требовательным и принципиальным.



Алексей Александрович КОСТИН

председатель МКАС и МАК при ТПП РФ, заведующий кафедрой международного частного и гражданского права МГИМО (У) МИД России, профессор

— Мне посчастливилось познакомиться с профессором М.Г. Розенбергом во второй половине 70-х годов прошлого столетия, когда я, будучи аспирантом МГИМО, стал докладчиком Внешнеторговой арбитражной комиссии при ТПП СССР (ныне — МКАС при ТПП РФ), в список арбитров которой он вошел еще в 1970 г. С благодарностью вспоминаю это время и многие арбитражные дела, в которых мне довелось принять участие в этом качестве под руководством Михаила Григорьевича как арбитра или председателя состава арбитража, ибо востребованность его в данной сфере деятельности всегда была весьма высока.

Профессиональное общение с ним оказало на меня сильное влияние в плане осознания существа и деталей международного коммерческого арбитража. В результате я примкнул к корпусу арбитров МКАС в 1988 г. Плодотворное общение с Михаилом Григорьевичем как коллегой-арбитром продолжалось до самого недавнего времени, чему способствовали совместная многолетняя работа в качестве членов президиума МКАС, участие в различных конференциях, семинарах и т.п. Разумеется, я не мог не обращать внимания на его неутомимую научно-педагогическую деятельность, поскольку читаемые им во Всероссийской академии внешней торговли и мною в МГИМО курсы в основном касались правового регулирования внешнеэкономической деятельности, включая вопросы международного коммерческого арбитража. В связи с этим мне приятно вспомнить несколько опубликованных мною рецензий на труды Михаила Григорьевича.

Общеизвестны способности профессора Розенберга к всестороннему и глубочайшему анализу разнообразных теоретических и практических вопросов, его поистине энциклопедические познания относительно предмета исследования, поразительная работоспособность и настойчивость в достижении поставленной цели. Не могу не упомянуть здесь о том, что, несмотря на тяжелую болезнь, он до последних дней жизни продолжал активную работу по обобщению практики МКАС, поддерживая контакты с коллегами.

Долгая профессиональная деятельность М.Г. Розенберга является примером беззаветного служения частному праву и международному коммерческому арбитражу.



Антон Владимирович АСОСКОВ

доцент кафедры гражданского права юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, профессор РШЧП, арбитр МКАС при ТПП РФ, доктор юридических наук

— Михаил Григорьевич Розенберг был удивительным человеком и одним из наиболее ярких отечественных специалистов по международному частному праву. Его отличительным качеством была требовательность по отношению как к себе, так и к окружающим. Он просто не переносил любых проявлений непрофессионализма, небрежности в суждениях и высказываниях. Он был готов без устали расходовать свой талант на то, чтобы восполнять пробелы в знаниях других людей, будь то студенты и аспиранты, молодые докладчики в МКАС, нерадивые представители сторон в процессе, зачастую плохо разбирающиеся в нюансах международного коммерческого арбитража судьи государственных судов. Не снижал он эту планку и для тех людей, с которыми вместе работал. Выполняя бесценную по своей значимости работу по обобщению практики МКАС, он отбирал неудачно мотивированные решения и обязательно указывал на недостатки тем арбитрам, которые входили в соответствующий состав арбитража.

Он искренне верил в то, что несовершенство российской правовой системы и правоприменительной практики связано с недостаточными знаниями отечественных юристов, а следовательно, все можно исправить — достаточно лишь объяснить людям их ошибки и показать правильные решения. Нам всем будет очень не хватать его максимализма, без которого на самом деле трудно представить себе движение вперед.



Алексей Николаевич ЖИЛЬЦОВ

начальник отдела сравнительного и международного частного права Исследовательского центра частного права при Президенте РФ, заведующий кафедрой РШЧП, главный редактор журнала «Вестник международного коммерческого арбитража», член Президиума МКАС при ТПП РФ, кандидат юридических наук

— Мое первое знакомство с Михаилом Григорьевичем Розенбергом состоялось через его многочисленные труды, посвященные самым разным вопросам регулирования отношений в сфере внешней торговли, которые я в качестве студента, а впоследствии и аспиранта международно-правового факультета МГИМО МИД СССР не мог не изучать. В те годы сложно было представить, что судьба впоследствии сведет меня с этим замечательным человеком и блестящим профессионалом лично.

Мы познакомились в Исследовательском центре частного права при Президенте РФ в рамках рабочей группы по подготовке раздела VI ГК РФ «Международное частное право», участником которой мне посчастливилось стать. Именно посчастливилось — невозможно оценить иначе представившуюся молодому специалисту возможность оказаться в одном коллективе с такими известными российскими учеными в сфере международного частного права, как Марк Моисеевич Богуславский, Виктор Петрович Звеков, Иван Семенович Зыкин, Александр Сергеевич Комаров, Александр Львович Маковский, Наталья Ивановна Марышева и, конечно, Михаил Григорьевич Розенберг.

За время совместного участия в работе группы мне хорошо запомнился и один из наших первых разговоров с Михаилом Григорьевичем. Рабочая группа поручила мне подготовить проект статьи про применение императивных норм к отношениям, осложненным иностранным элементом, впоследствии ставшей ст. 1192 ГК РФ. После заседания группы Михаил Григорьевич подошел ко мне в буфете Исследовательского центра частного права и настороженно поинтересовался, как я себе представляю проблематику им-



перативных норм в международном частном праве и в каком направлении собираюсь двигаться при подготовке проекта статьи. Я тогда описал свое видение проблемы и сказал, что планирую опираться на положения ст. 7 Римской конвенции 1980 г., ст. 17 и 18 швейцарского Федерального закона о международном частном праве 1987 г., а также примеры из национальных законов других государств. На лице Михаила Григорьевича появилась лучезарная улыбка. Как оказалось, он опасался, что я напишу норму, предусматривающую чрезмерное значение национального императивного законодательства в регулируемых МЧП отношениях, ведь в этой области надо быть очень осторожным — необходимо было обеспечить защиту особо значимых государственных интересов как *lex fori*, так и третьих стран, но при этом сохраняя значение принципа автономии воли сторон. «Мне же показалось, что при обсуждении этого вопроса на группе Вы как-то склоняетесь в пользу чрезмерного допущения императивных норм в эту сферу», — пояснил свою настороженность Михаил Григорьевич.

Впоследствии при работе над проектом раздела VI ГК РФ приходилось обсуждать с Михаилом Григорьевичем и иные вопросы, но тот самый первый профессиональный разговор запомнился на всю жизнь: это была своеобразная проверка на серьезность, профессионализм, проверка на «свой — чужой», которую мне удалось пройти. И как я понял уже в последующие годы, в том числе в результате совместного участия в рассмотрении дел в МКАС при ТПП РФ, непрофессионализм, неподготовленность и поверхностное отношение к правовым вопросам вызывали у Михаила Григорьевича категорическое неприятие.

При этом уровень подготовки самого Михаила Григорьевича к устному слушанию дела был всегда высочайшим. В этом я смог убедиться в тех делах МКАС, на которых мне посчастливилось оказаться с Михаилом Григорьевичем в одном составе арбитража. Так, запомнилось дело, в котором юрист, представлявший одну из сторон, пришел на слушание очень плохо подготовленным, что, к сожалению, иногда случается. В ходе процесса, задавая уточняющие вопросы, на которые представитель стороны мучительно подбирал ответы, Михаил Григорьевич с трудом сдерживал свое негодование. Уже после слушания он признался, что подобные дела являются очень непростыми. Хотя сторона самостоятельно решает, кто будет представлять ее интересы в процессе, и принцип состязательности требует от состава арбитража руководствоваться теми позициями, что представляют в процессе стороны, очень трудно выносить решение, когда видно, что выигрышные аргументы не были не только представлены, но и даже поняты представителем стороны. При этом сама сторона может быть совершенно не в курсе, что ее представитель из-за профессиональной небрежности фактически провалил процесс.

Как известно, одним из важнейших и любимых Михаилом Григорьевичем направлений деятельности была работа по подготовке и изданию сборников практики МКАС. За период с 1995 по 2008 г. Михаил Григорьевич издал десять книг по практике МКАС, не считая многочисленных публикаций практики и ее обзоров в таких периодических изданиях, как «ЭЖ-Юрист», «Хозяйство и право», «Вестник ВАС РФ», «Третейский суд», а также в справочно-

правовых системах «КонсультантПлюс» и «Гарант». Значение этой работы невозможно переоценить, поскольку указанные публикации стали не только основой выверенных подходов в деятельности самого МКАС, но и важным вкладом в развитие российской правоприменительной практики и науки. Именно в контексте обработки и подготовки к публикации практики МКАС мне в очередной раз посчастливилось иметь возможность обратиться за помощью и поддержкой к Михаилу Григорьевичу.

Дело в том, что в МКАС было принято решение, что помимо сборников Михаила Григорьевича практика МКАС должна также публиковаться в СПС «КонсультантПлюс» и на страницах журнала «Международный коммерческий арбитраж», а в последующем — пришедшего ему на смену журнала «Вестник международного коммерческого арбитража». Оказавшись в роли главного редактора этого журнала, а также ответственного за публикацию практики в СПС «КонсультантПлюс», я практически сразу понял, что отбор и обработка для публикации решений и постановлений МКАС является делом чрезвычайно сложным. Сложность этой работы обусловлена тем, что ни при каких обстоятельствах публикуемое решение не должно нарушать принцип конфиденциальности, т.е. содержать информацию, позволяющую идентифицировать стороны. Простое удаление наименований сторон и спорных сумм проблемы может не решить, так как характер товара или договорных отношений зачастую позволяет идентифицировать стороны из-за специфики или ограниченности соответствующего рынка. Если же удалить из текста и характер товара (что иногда действительно приходится делать), и специфику договорных отношений сторон, то может потеряться основание выводов арбитража. В конечном итоге некоторые решения не могут быть опубликованы, а подчас они очень интересны.

Не имея соответствующего опыта и лишь догадываясь обо всех нюансах такой работы, я обратился к Михаилу Григорьевичу за помощью. В ходе чрезвычайно теплой и дружественной встречи Михаил Григорьевич объяснил многие важные моменты. При этом он положительно воспринял желание редакционной коллегии журнала публиковать практику по несколько отличному от используемого в сборниках формату, соответствующему стандартам *Yearbook Commercial Arbitration*. Вопросы по публикации практики МКАС при ТПП РФ возникали и в дальнейшем, и каждый раз Михаил Григорьевич был готов щедро поделиться своим опытом и советом.

Высокую требовательность проявлял Михаил Григорьевич во всем. К примеру, он читал все выносимые МКАС решения и постановления о прекращении разбирательства. Свои сомнения в корректности той или иной формулировки, недостаточной либо, наоборот, излишней подробности того или иного положения Михаил Григорьевич сообщал при личной встрече или звонил в выходные дни. Поэтому при написании арбитражного решения всегда приходилось задумываться, как к нему отнесется Михаил Григорьевич. Наконец, для меня высшим профессиональным экзаменом стало выступление в одном из дел председателем состава арбитража, в котором Михаил Григорьевич участвовал одним из арбитров.



Отмечу еще одну сферу деятельности Михаила Григорьевича. В 1994 г. специальным указом Президента РФ была создана Российская школа частного права. Михаил Григорьевич, понимая значимость поставленной перед молодым учебным заведением задачи, вступил в преподавательский коллектив РШЧП с момента ее создания и, несмотря на свою, несомненно, большую занятость, до 2011 г. читал курс «Контракт международной купли-продажи товаров», пользовавшийся огромной популярностью у студентов.

Принято говорить, что незаменимых людей нет. Это выражение едва ли верно, когда от нас уходят наши лучшие учителя, профессионалы высочайшего уровня и просто замечательные люди, одним из которых для меня был и навсегда останется Михаил Григорьевич Розенберг.



**Александр Игоревич
МУРАНОВ**

управляющий партнер коллегии адвокатов «Муранов, Черняков и партнеры», доцент кафедры международного частного и гражданского права МГИМО (У) МИД России, профессор кафедры международного частного права РШЧП, кандидат юридических наук

— Михаил Григорьевич был очень увлеченным своими исследованиями человеком, и это не могло не вызывать глубокое уважение и симпатию. Такое служение идеям в нашей в целом скучной профессии — нечастое явление. И эти идеи он последовательно воплощал на практике, демонстрируя высочайший уровень мастерства и юридической техники как при разрешении арбитражных дел, так и в своих научных трудах. И он был очень требовательным, не только к другим, но и прежде всего к себе. Лично мне его критики будет не хватать.